КРОКОДИЛ

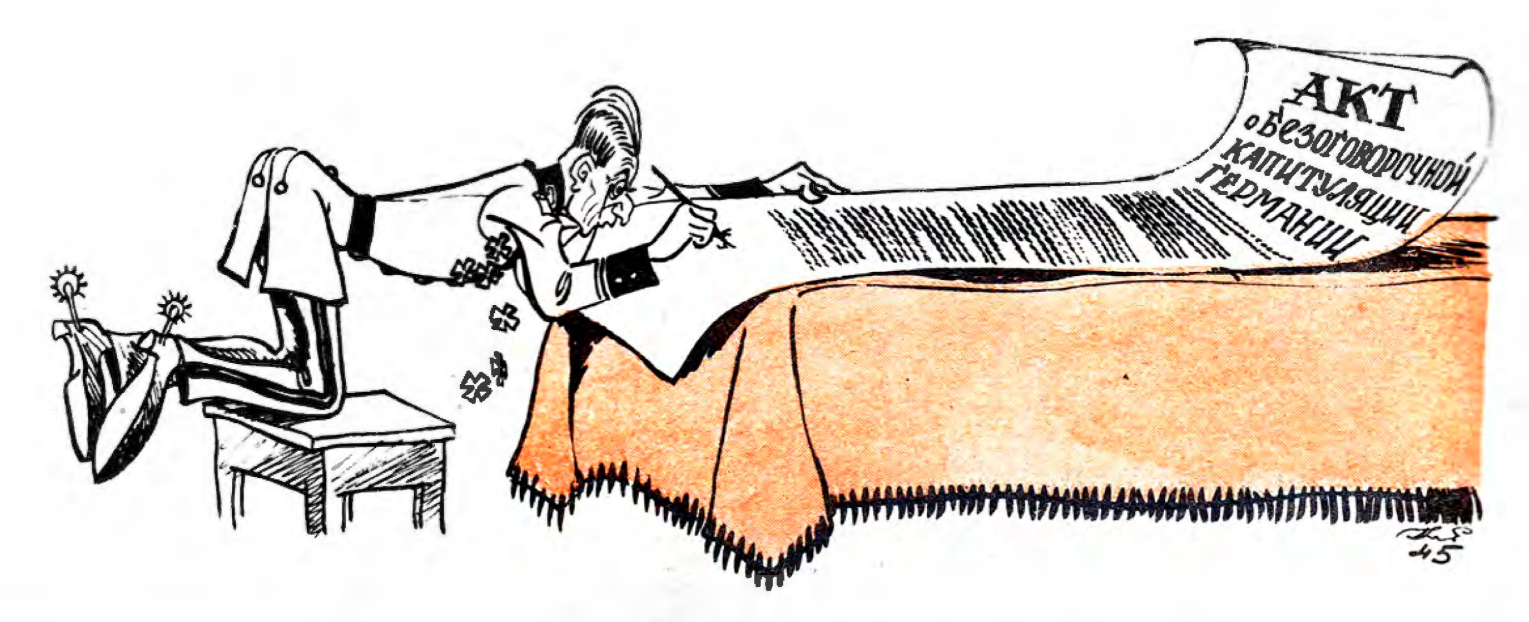
№ 18 МОСКВА 20 МАЯ 1945 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIV ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

Рис. Л. Бродаты

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Окончили войну с медалью

Рис. К. Елисеева

Последний акт.

В эту ночь

МОЖЕТ быть, в этот ранний час маршал Советского Союза Жуков спокойно брился перед маленьким походным зеркалом?

Может быть, маршал авиации Теддер неспеша ел свой первый завтрак, который по-английски называется «брикфэст»?

И, может быть, в это же время Кейтель ходил взад и вперёд по комнате, специально ему для этого отведённой, и нервно обдумывал, как подписывать капитуляцию: с маршальским жезлом, поднятым вверх или опущенным книзу?

Что же касается Ивана Петровича из нашего дома, что в Замоскворечье, то Иван Петрович как раз в этот самый час объявил категорически:

— Подписывают! Из достоверных источников.

Дело было 7 мая. Иван Петрович даже рассчитал:

— В общем, в 12 часов ждите салюта!

Боже мой, как наш дом нервничал! Да нет, что там наш дом! Из дома моментально сообщили в булочную. Из булочной понеслось в гомеопатическую аптеку. Из аптеки в ателье мод! Из ателье в театр драмы! Из театра в коммерческий магазин! Заведующая магазином, сияя глазами в телефонную трубку и заикаясь от волнения, позвонила знакомому родного дяди полковника-фронтовика. А ровно через три минуты жена знакомого родного дяди полковника-фронтовика уже сообщила нашему Ивану Петровичу, что сведения, которые Иван Петрович сообщил ей ровно полчаса тому назад, подтвердились. Из самых достоверных источников!

Короче говоря, в 12 часов 15 минут авторитет Ивана Петровича был непоправимо подорван. По радио передавали сонату.

Теперь с надеждой и упованием смотрели на Любочку Зарецкую. Все же знают, что в неё влюблён раненый лётчик Алмазов. А лётчик сказал коротко и ясно:

— Это будет.

Любочка прибавила от себя «вот-вот» и передала в таком виде:

— Это вот-вот будет!

Тогда дедушка Захар Павлович сказал лучше всех:

— Я три года десять месяцев и шестнадцать дней твёрдо знаю, что это будет. А теперь мне час подайте! Я хочу знать, в котором часу.

В общем это был не понедельник, а сплошное нервное переживание.

Во вторник, 8 мая, люди ходили какие-то странные. На некоторых лицах было ясно написано: «Знаю, но не скажу!»

А радио?! Вдруг во время очередного концерта — пауза... Сколько миллионов глаз обращено было к репродукторам, даже невозможно себе представить! И внезапно после паузы:

— «Соловей» Алябьева!

Мне было слышно, как за стеной зарычал дедушка Захар Павлович. Это было рычание разъярённого тигра. Дайте ему алябьевского «Соловья», он растерзает его в мелкие клочья!

Ждали в 5 часов, ждали в 7, ждали в 9... Уговаривались запомнить и рассказать, за каким делом застанет каждого сообщение. Постепенно затихали в своих комнатах.

У Зарецких задержался лётчик Алмазов. Во-первых, у него на лице было чётко написано: «Я что-то знаю!» А во-вторых, он тихо сказал Любочке:

— Люба, когда кончится война, вы мне ответите на один вопрос...

Посреди ночи раздались слова:

— ПОДПИСАНИЕ АКТА О БЕЗОГОВОРОЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ...

Вы помните? Целовали всех подряд, кричали «Ура!» Звонили сами и в промежутках отвечали на чьи-то звонки. И если набирали не тот номер и попадали не туда, всё равно поздравляли и обнимали по телефону!

Позднее собрались у Зарецких и делились впечатлениями. Мама-Зарецкая растроганно сказала:

— Я только что поднесла ко рту эту булочку, а оно как заговорит!

(Независимо от того, у микрофона диктор — женщина или мужчина, мама всегда говорит «оно».) Мама-Зарецкая сантиментальна, она любит реликвии: засушенные цветы, ленточки и т. п. Она сказала:

— Я засушу эту булочку, перевяжу красной лентой и спрячу на память!

А через пять минут оказалось, что дедушка Захар Павлович под рюмку водки эту булочку нечаянно съевал! Пришлось незаметно подсунуть другую, чтобы мама не расстроилась.

Лётчик Алмазов сказал взволнованно:

— Люба, война кончилась. Но то, о чём я хотел вас спросить, я лучше спрошу завтра. А то вы мне омрачите счастье, если ответите «нет».

— Ой, нет, я вам отвечу «да»! — прошептала Любочка.

Весь наш дом лёг спать только часов в пять. А ровно в шесть поднялся невообразимый шум. Кто-то бегал по коридору босыми ногами, стучал кулаками в двери и кричал торжествующим голосом:

— Вставайте! Просыпайтесь!! Как можно спать?! Победа!! Ведь я же говорил!

Это был Иван Петрович. Не понимаю, как мы ночью позабыли о нём? А он спал. А теперь проснулся. Но всё равно, его тоже обнимали и объясняли ему всё своими словами. Потому что приятно было видеть человека, который ещё ничего, решительно ничего не знает, как новорождённый младенец!

И в конце концов, что ж такого, что наш дом в эту ночь спал только один час? Приятно было проснуться в комнате, в доме, в городе, в стране, куда в эту ночь, 9 мая, вошла Победа!

В. КАРБОВСКАЯ

●

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БУЭНОС-АЙРЕС. Аргентинское правительство тотчас же после капитуляции гитлеровской Германии перевело свою работу на мирные рельсы и немедленно приступило к арестам антигитлеровцев.

ЛОНДОН. Из Берлина сообщают о многочисленных случаях самоубийства видных нацистов. Вообще жизнь в городе налаживается.

ОСЛО. Здесь получена из Испании следующая тревожная телеграмма: «Спросите Деникa, куда он денется?»

ВАРШАВА. В связи с пленением союзными войсками бывшего немецкого генерал-губернатора в Польше Франка местные финансовые круги высказываются за передачу его полякам. «Этот Франк,— заявляют они,— будет немедленно пущен нами в расход».

Рис. К. Елисеева

Аллея побед.

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА

Это пишет Николаша:
Шлю привет вам из Берлина,
Уважаемый папаша,
Извините, если длинно!
Я беру такую линию,
Чтобы вкратце описать,
Что увидел здесь, в Берлине, я
Прямо сходу, так сказать...

* * *

Всюду дым, огонь, воронки,
Всюду битое стекло...
Фрау ёжатся к сторонке,
Тащат мебель, и картонки,
И перины, и пелёнки,
И другое барахло.
Крепко здесь их припекло!..

* * *

Нацепив повязки белые
Из различнейшей материи,
Немцы ходят обалделые:
Удивляются, что целые
После нашей артиллерии.

* * *

И на «гассе» и на «штрассе»
Пленных фрицев всюду масса,
А сторонкой там и тут
Разных фюреров ведут.
Вид у них весьма поганый:
Заросли, как обезьяны,—
Всё слилось — усы и баки,
А в глазах — такая злость,—
Всё равно как у собаки,
У которой взяли кость.

* * *

Осмотрела наша рота
Бранденбургские ворота.
Сверху — кони-битюги:
Этот, смотришь, без ноги,
Тот свалился под обстрелом,—
Ни один не вышел целым!
А какая-то кобыла
Только хвост вверху забыла...
Мне подобного искусства,
Признаюсь, не жаль ничуть!
Ну, какой у немца вкус-то!
Жуть!

На воротах — сделал стойло!
В общем — и смотреть не стоило!..

* * *

Старый немец ищет, где бы
Раздобыть воды и хлеба,
Вниз опущены усы...
Тут уж не до колбасы.
«Воевали —
веселились,
Подсчитали —
прослезились».

* * *

Наш солдат торопит фрицев,
Чтобы лучше убирали:
— Эй ты, «Дейчланд ибер аллес»,
Ну-ка, подметай столицу!

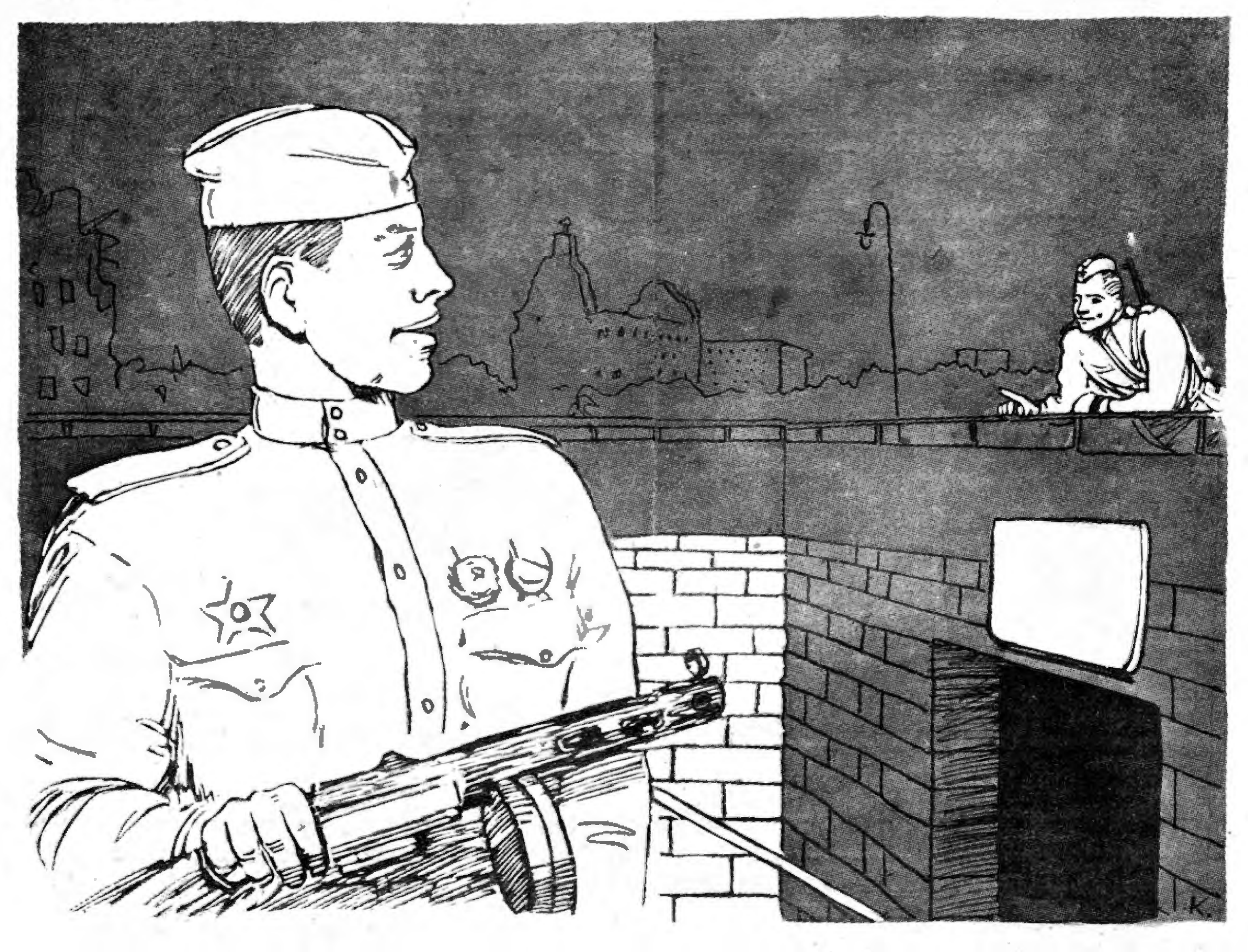
* * *

Вот какой сейчас Берлин!
Еду дальше... всё!

Ваш сын.

Записал Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Рис. А. Каневского

— За что у тебя ордена, земляк?
— За метро. Один — за московское, другой — за берлинское.

Мирное время

ЭТО было в мирное время. То есть в три часа ночи 9 мая 1945 года.

Мой знакомый, сотрудник Радиокомитета К., возвращался домой с работы. Яко тать в нощи, он пробирался тёмными, малозаметными переулками. У него, видите ли, не было ночного пропуска.

И вдруг (самое страшное всегда происходит неожиданно) он увидел на углу постового милиционера. В тот же миг душа тов. К. стремительно ушла в пятки.

Означенные пятки, получив такое пополнение, тотчас же кинулись было вспять, увлекая за собой всю особу тов. К. в тихий сумрак расположенного рядом двора.

Милиционер — надо отдать справедливость его зоркости — заметил маневр правонарушителя и в ту же минуту принял соответствующие меры.

— Стой! — крикнул он мужественно и решительно.

Тов. К. не растерялся и остановился. Милиционер начал приближаться к нему.

«Сейчас он меня отведёт в милицию,— мелькнуло в голове тов. К.,— и буду я там торчать до утра, и ещё придётся заплатить штраф. Не повезло!..»

И вдруг (самое приятное тоже всегда происходит неожиданно) подошедший милиционер бросился на шею тов. К. и, дрогнувшим от волнения голосом, произнёс:

— Гражданин! Товарищ! Радость-то какая! Поздравляю вас с великой победой!

Они обнимались и целовались не менее пятнадцати минут.

— Ночь-то какая сегодня! — говорил счастливый милиционер счастливому тов. К.— А место здесь тихое, одинокое. Хотелось с кем-нибудь поговорить, душу излить. Вот спасибо, что вы подвернулись! Вот спасибо!..

* * *

ДЕВЯТОГО мая, рано утром, автор этих строк вышел на улицу. Первые тридцать шагов прошли спокойно. А потом вот что случилось:

Из подъезда какого-то дома выскочил человек в военной шинели без погонов.

С неистовым криком «Митя!!!» он бросился ко мне на шею.

— Митя! — повторил незнакомец. — Какое счастье, Митя! Поздравляю! Такая победа, такая победа! Дожили мы с тобой, Митя!

Я его тоже горячо поздравил. А затем сказал:

— Товарищ, видно, вы обознались.

— Что ты! Ничуть не обознался.

— Но я не Митя!

— Я и сам подозреваю, что ты не Митя. Но... понимаешь... как-то неловко было кинуться на шею незнакомому человеку... Вот я и выдумал Митю... Какой день, какой день! Ну до свиданья... Митя!

* * *

В ПЕРВЫЕ часы мирного времени значительный процент москвичей был охвачен поцелуями.

(В последнюю минуту начали поступать сообщения, что то же самое происходило не только в столице, но и на периферии.)

На улицах и площадях люди, знакомые и незнакомые, бросались друг другу на шею, обнимались, целовались и поздравляли друг друга с праздником.

Особенно большое количество поцелуев — и самого лучшего качества — досталось военным товарищам.

Но и работникам тыла немало перепало и рукопожатий и поцелуев.

Автору этих строк в течение короткого времени удалось зарегистрировать следующие факты:

1) На улице Горького, в хлебном магазине, продавщицы и покупатели взаимно вежливо целовались.

2) На Плющихе, в трамвае линии «Б», пассажир поцеловал кондукторшу и тут же получил сдачу той же монетой.

3) Жильцы и жилички одного большого дома на Сретенке с упоением качали управдома. А, подбросив его вверх, не расходились по своим квартирам, а оставались на месте и бережно ловили его, заключая в свои объятья.

4) На площади Свердлова, у Малого театра, актёр самым искренним образом обнял рецензента.

5) В Лаврушенском переулке писатель горячо лобызал критика. Критик прослезился...

В общем было хорошо, весело, чудесно!..

Г. РЫКЛИН

Сироты...

В ПЕРВЫХ числах мая 1945 года на нейтральных улицах швейцарской столицы царило необычное оживление.

Какие-то маленькие, но сильно вспотевшие господа в цилиндрах подбегали то и дело к зданию, занимаемому посольством уже не существующего германского правительства, внимательно оглядывали подъезд, окна и крышу. Затем взволнованно разводили руками. После чего исчезали.

Кто они, эти господа, и почему они так крепко вспотели?

Это нейтральные деятели нейтральной Швейцарии. Услышав сообщение германского радио о смерти Гитлера, они, перегоняя друг друга, бросились в немецкое посольство, дабы самым нейтральным образом выразить своё нейтральное соболезнование «по поводу постигшей утраты». Но на здании посольства не оказалось ни одного траурного флага, ни кусочка чёрной тряпки.

Немецким дипломатам в Швейцарии было в это время не до тряпок. Они видели, что фашистский корабль под управлением новоиспечённого «фюрера», адмирала Деница, продолжает стремительно идти ко дну.

Не дожидаясь оптовой капитуляции фатерланда, риббентропики поспешили объявить о своей розничной капитуляции. В течение получаса они «перековались» и заявили во всеуслышание, что вместе с мундирами они сменили и идеологию.

Чиновники германского посольства князь Ауэршнерг, Гизевиус и Витген, пресс-атташе Трумп, генеральный консул в Женеве Крауэль и другие не поленились выпустить листовку, в которой объявили себя «с сего числа» антигитлеровцами.

Бедные же нейтралы ничего ещё не знали об этом фарсе с переодеванием. Нейтральную грудь распирали горестные чувства, и, боясь лопнуть по швам от их избытка, швейцарские деятели продолжали бегать к германскому посольству: авось, бог даст, там появится траурный флаг, и тогда можно будет пролить на грудь немца добрую порцию кисло-сладких нейтральных слёз...

В старом популярном романсе есть такие мягкие, лирические строки:

«Отчего так грустны и печальны розы?
Ты скажи мне, друг мой дорогой,
Отчего фиалки пламенные слёзы
Льют в затишье ночи голубой?»

Сейчас все эти вопросы, поставленные поэтом, уместно сформулировать несколько иначе.

Отчего так грустны и печальны швейцарские розы? Отчего шведо-португальские фиалки слёзы льют?

И ещё несколько вопросов:

Почему стокгольмское радио после сообщения о смерти Гитлера начало немедленно угощать своих слушателей похоронной музыкой?

Почему в Португалии объявлен двухдневный траур по Гитлеру?

Почему ирландский де Валера поспешил выразить соболезнование германскому послу?

Почему в Аргентине запретили народу праздновать падение Берлина? Не потому ли, что «воюющая» Аргентина не захотела омрачить весельем свой траур?

Почему испанские газеты напечатали такие трогательные некрологи, посвящённые берлинскому трупу?

На все эти «почему» может быть лишь один ответ:

Все эти аргентино-нейтральные фиалки и розы благоухают так же, как и труп Гитлера.

Гитлера нет. Но вонь ещё осталась. Об этом по мере своих сил заботятся осиротевшие нейтральные фашисты и фашиствующие нейтралы.

Л. ГРИГОРЬЕВ

★

«КАПУТУЛИРУЮТ»!

Пал Берлин! Зашла звезда
Экс-ефрейторского «гения»,—
И сдаются города,
Как бывало — помещения.
Знаю: немцы часто лгут.
Но когда гуртом их нация
Взвыла: «Гитлеру капут!» —
Это впрямь «капутуляция».

М. ЯКОВЛЕВ

ИСПАНО-ПОРТУГАЛО-ШВЕДО-ШВЕЙЦАРСКИЙ РОМАНС

Рис. Л. Бродаты

— «Пустите, пустите, пустите вы нас!
Все четверо, четверо любим мы вас!..»

ВЕРНОЕ ЧУТЬЕ

В Берлине наши бойцы задержали некоего Геббельса. В ответ на заверения задержанного, что он-де «не тот Геббельс», один из бойцов недоверчиво сказал:

— Ври больше! Знаем вашего мы брата!

Немец, как выяснилось в дальнейшем, говорил правду: он в самом деле был «не тем Геббельсом». Но не ошибся и наш боец: задержанный действительно оказался братом того самого Геббельса, которого мы хорошо знаем!

Рис. Ю. Ганфа

1 Немецкая пивная «Дранг нах Остен» была основана ещё в эпоху нибелунгов. Предки Гитлера и Гиммлера пили пиво из черепов своих идейных противников и стремились при этом на Восток.

2 В эпоху псов-рыцарей (гав-гавлейтеры) черепа двуногих противников были заменены рогами четвероногих единомышленников. Рыцари пили пиво из рогов диких зубров и туров, но попрежнему стремились на Восток.

3 В эпоху Фридриха II рога заменили кружками, шлемы — париками, а головы — барабанами. Мелодию на этих барабанах наигрывали всё ту же: «На Восток!»

Берлин в кармане

КАРМАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ, ИЗДАННЫЙ В НАЧАЛЕ МАЯ

От составителя.

Берлин — гаугород гитлеровской «третьей (и последней!) империи». Стоит на реке Шпрее. Лежит в развалинах, на ней же. Восточная долгота—13 градусов. Широты нет,—не в прусском она характере! Окружён лесами, озёрами и — что особенно существенно — Красной Армией.

На бойцов Красной Армии, впервые посетивших Берлин, и рассчитан предлагаемый путеводитель.

План города.

План города можно достать в любом берлинском газетном киоске. Пользуясь этим планом, необходимо учесть: а) что не все объекты, отмеченные на плане, имеются в действительности; б) что не все объекты, имеющиеся в действительности, отмечены на плане.

Бесполезно, например, искать на немецком плане Берлина советскую комендатуру: в планы немцев это учреждение не входило!

Транспорт.

Виды транспорта в Берлине весьма разнообразны. По городу не ходят трамваи, автобусы, троллейбусы. Ходят советские танки.

При поездках на дальнее расстояние (например от Петровских до Бранденбургских ворот) последний вид сообщения особенно удобен.

Где остановиться?

Этот актуальный для всех прибывающих в немецкую столицу вопрос наши бойцы решали по-разному. Одни из них, не останавливаясь, шли до Науэна, другие — до Бранденбурга.

Достопримечательности.

Достопримечательностями Берлин небогат. Пресловутая Аллея побед хороша лишь местами (теми, где стоят наши пушки).

Малоинтересно и недожжённое Герингом здание рейхстага. Одна деталь в нём, впрочем, очень привлекательна — советский флаг над пробитым куполом.

Памятники древности.

Древнейшие из берлинских памятников — редакция «Фёлькишер беобахтер» (времена варварства), площадь, где сжигали книги (средневековье).

Из памятников новейшего времени назовём памятник Бисмарку. Место, где стоял «железный канцлер», нетрудно определить по большому количеству оставшегося от него железного лома.

Театры.

Наиболее значительные театры Берлина: драматический, где долгое время разыгрывались снятые ныне с репертуара фарсы «Высшая раса» и «Покорение мира», и оперный, где шёл «Фауст» (в фашистской переработке — «фауст-патрон»).

Оба эти театра теперь не работают.

В успешно работающем ныне берлинском Анатомическом театре показывают «Два черепа Гитлера». Один — с признаками апоплексического удара, а другой,— не выдержавший удара Красной Армии.

Подлинником, по нашему мнению, надо считать последний череп.

Эмиль КРОТКИЙ

Быстрая реакция

КОГДА я стою поздним вечером у своего окна и гляжу на ярко освещённые окна противоположного дома, я испытываю волнение и душевный трепет.

Всевозможные философские мысли лезут мне в голову, и в ней образуется нечто, похожее на давку в московском трамвае.

«Совсем недавно,—думаю я, — эти окна были чёрными и мёртвыми, а сейчас они победно горят. И людям уже кажется, что никогда и не было никакого затемнения».

В это время я слышу доносящийся ко мне со двора зычный голос нашего управдома Василия Лукича, ругающего дворника Прохора.

Я начинаю думать о Василии Лукиче.

Этот человек восхищает меня. Быстрота его реакции на происходящие события великолепна.

Буквально накануне отмены затемнения Василий Лукич громил меня за несоблюдение светомаскировки:

— Опять у вас второе окошко просвещает, гражданин! Хотите на штраф налететь?

— Штора износилась, Василий Лукич. Видите, какие дыры...

— Вот как влепит «он» какую-нибудь там фрау 2 в наш дом из-за вашей шторы, тогда будете знать!

— Ох, не до нашего дома «ему» сейчас, Василий Лукич! Как говорится, не до жиру — быть бы живу!

— Враг коварен, гражданин!

На следующий день затемнение было отменено

Василий Лукич ходил по квартирам, и его могучий бас гремел, как труба архангела:

— Чтобы все окна вечером были освещённые... Маскировку снять немедленно!

— А мы к ней уже привыкли, Василий Лукич. Пусть пока повисит.

— Никаких висений! Чтобы всё горело у меня! Чтобы, как говорится, потоки света струились! И вам довольно стыдно, гражданин, цепляться за темноту.

А ещё больше восхитил меня Василий Лукич 10 мая 1945 года, на следующий день после празднования победы.

Опять он ругал за что-то многотерпеливого Прохора.

И Прохор сказал, оправдываясь:

— Война же, Василий Лукич! Надо понимать!..

Василий Лукич, побагровев от негодования, закричал:

— Какая война?! Война давно кончилась! Нечего на войну валить!

А война кончилась два дня назад!.

...Я начинаю думать о Василии Лукиче, и моё душевное смятение проходит.

Мне приятно, что у руля нашего домоуправления стоит этот человек.

Он понимает, что такое—могучее наступательное движение жизни!

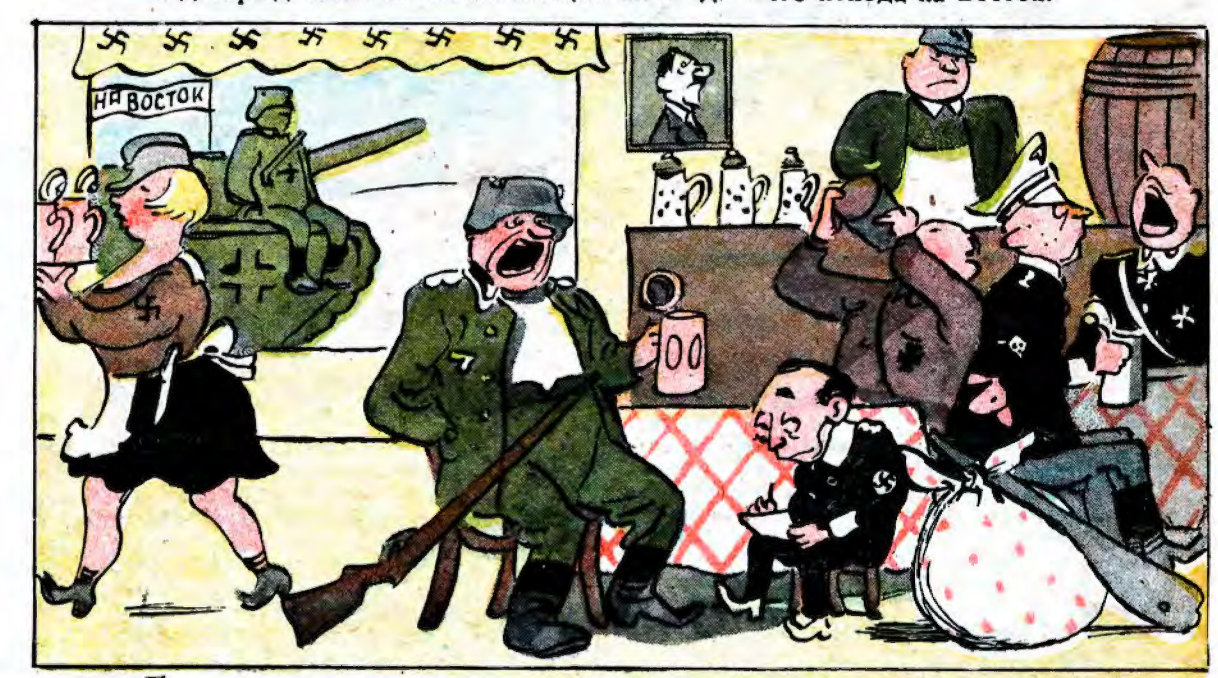
Мои беспокойные мысли кое-как размещаются у меня в голове.

Леонид ЛЕНЧ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАКРЫВШЕЙСЯ ПИВНОЙ

4 В эпоху Вильгельма Усатого пиво разбавили идеологией («ибераллес» и «гох!»), но крепости ни пиву, ни немцам это не прибавило. Сие подтверждается плачевным концом их тогдашнего похода на Восток.

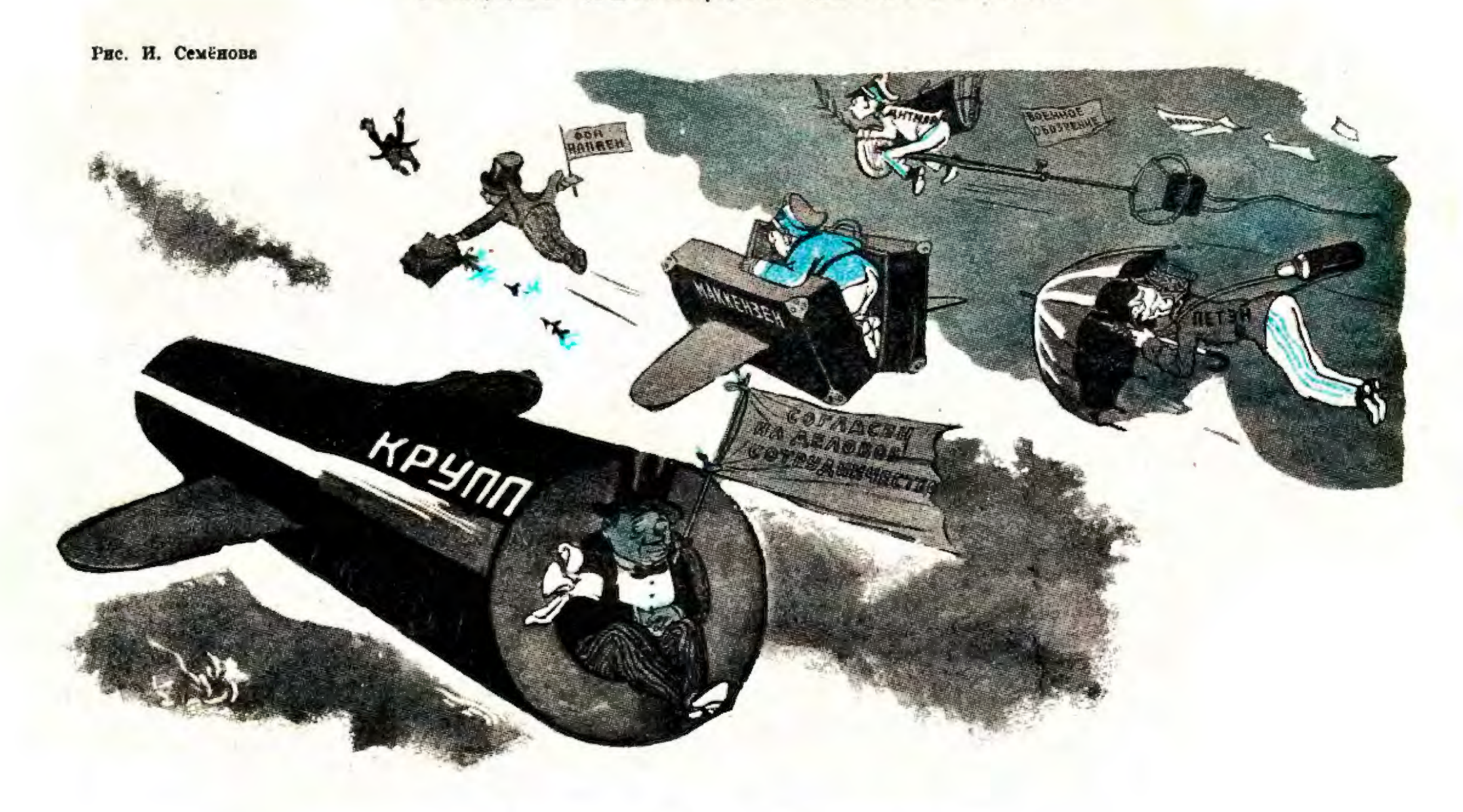
5 Эпоха Адольфа Бесноватого усовершенствовала немецкую идеологию («капут» вместо «ибераллес» и «ох!» вместо «гох!») и пивоварение (коричневое мюнхенское пиво вместо обыкновенного).

6 Всё это — вместе с умелым использованием котлов («Сталинградского котла», «Корсунь-Шевченковского котла», «Берлинского котла») — и дало, наконец, возможность немцам осуществить свою давнишнюю мечту. Пивная «Дранг нах Остен», правда, ликвидирована, но зато сотни тысяч её протрезвившихся клиентов беспрепятственно шагают на Восток под надёжной охраной советских автоматчиков.

СВЕЖЕЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Рис. И. Семёнова

Самолёты-снаряды последнего выпуска.

В шесть часов вечера после войны

Я ВСТРЕТИЛ Сашу на Красной площади в шесть часов вечера после войны. Я ещё издали узнал его длинную фигуру. Он стоял в машине, сжимая в руках киносъёмочный аппарат «Аймо». Рядом с сашиной машиной весёлая группа москвичей качала майора. Он взлетал в воздух, размахивая руками и что-то крича.

— Братцы! — услышал я срывающийся сашин голос.— Не бросайте его на стену!.. На башню его бросайте! На Спасскую башню!.. Стена — нейтральный фон. Умоляю, кидайте его на башню! Я буду снимать снизу вверх. Офицер в воздухе на фоне Кремля! Это будет мировой кадр!

Майора стали подбрасывать по указанному маршруту. Саша сел прямо на мостовую, и аппарат его застрекотал, фиксируя незабываемый кадр.

— Стоп!— крикнул Саша.— Кончили!

Майора бережно опустили на землю.

— Благодарю вас,— тяжко дыша и улыбаясь, сказал майор.

— На здоровье!— ответила какая-то девушка и под дружный хохот толпы спросила:—Как Москва сверху выглядит, товарищ майор?

— Прекрасный вид, — ответил майор, — просто одно удовольствие!

Провожаемый аплодисментами, майор скрылся в толпе. Я подошёл к Саше:

— Здравствуй, Саша!

— Здравствуй, дорогой! С победой тебя! Видал кадрик?

— Да,— сказал я.— А ты видел, какие у майора были глаза, когда он услышал твой истошный крик: «Кидайте его на Спасскую башню!»?

— Подожди, сейчас я организую кадр!— Саша поднял руку.— Попрошу внимания. Девушка! Садитесь в «виллис»!

Из толпы вышла сашина избранница — курносая, очень обаятельная девушка. Смущённая оказанной ей честью, она поднялась в машину.

— Молодой человек, прошу вас,— повелительно сказал Саша, обращаясь к молоденькому лейтенанту с золотой звездой,— полезайте в машину! Так. Сядьте вы слева, а вы—справа. Смотрите на небо, на звёзды. Нет, нет, не в профиль, а так — в полоборота. Так, хорошо. Улыбайтесь, пожалуйста. Вы должны понять, мы снимаем не хронику, а художественный фильм. Улыбку весны дайте! Хорошо. Буду снимать чуть снизу... Встреча в шесть часов вечера после войны...

— А мы с ним, между прочим, не расставались,— сказала девушка,— мы даже незнакомы вовсе.

— Это не имеет значения,— строго сказал Саша.

— Конечно. Это же — искусство,— согласился лейтенант, с удовольствием глядя на девушку.

— Правильно,— сказал Саша.— Прошу слушать меня внимательно и исполнять мои приказания. Приготовились! Внимание! — Саша вскинул аппарат.— Начали! Хорошо. Улыбайтесь. Посмотрели друг на друга. Чувство ищет выхода!.. Целуйтесь!.. Целуйтесь!!

Повинуясь властному голосу Саши и слыша гипнотизирующий треск работающего аппарата, лейтенант и девушка кинулись друг другу в объятия.

— Горько!— крикнул кто-то.

— Хорошо! Хорошо! — восхищённо приговаривал Саша. — Целуйтесь: плёнки ещё полная касета!..

Аппарат пострекотал и умолк. Лейтенант и девушка продолжали держать друг друга в объятиях.

— Довольно,— сказал Саша,— всё! Спасибо!

— За что же нам? Это вам спасибо!— сказал лейтенант.

Окончательно смутившись, девушка попыталась было сойти с машины.

— Куда же вы? — спросил лейтенант и взял её за руку.— Товарищ оператор, может, повторим? Дайте-ка ещё одну очередь из вашего «автомата»!

— Вся плёнка!— развёл руками Саша.

— Слышь-ка, товарищ оператор,— сказал дядя из толпы, явно успевший уже малость хлебнуть в честь праздника,— дай уж и я свою старуху поцелую для кино! Раз такое дело,— я готов!

— Сейчас, я поеду заряжусь. А вы пока репетируйте!— засмеялся Саша.

Борис ЛАСКИН.

ЛАВАЛЬ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Рис. Ю. Ганфа

Новости испанской инквизиции.

ФОНАРИКИ-СУДАРИКИ

1

Опять, как в дни минувшие,
С зари и до зари
На всех московских улицах
Сияют фонари.

И песенку старинную
Как будто нам поют.
«Фонарики-сударики»
Ту песенку зовут.
  «Фонарики-сударики
  Горят себе, горят,
  Что видели, что слышали,
  О том и говорят».

2

А помните, фонарики,
К Москве был близок фронт,
Тревожными ракетами
Светился горизонт.

И вместо лампы уличной
С ночной боролись тьмой
Карманные фонарики,
Прожектор боевой.
  «Фонарики-сударики
  Горят себе, горят,
  Что видели, что слышали,
  О том и говорят».

3

Но всё же свету целому
В те пасмурные дни
Огни надежд светилися —
Московские огни.

А нынче тьму кромешную
Развеяло, смело.
Светло у нас на улице
И на душе светло.
  «Фонарики-сударики
  Горят себе, горят,
  Что видели, что слышали,
  О том и говорят».

4

Нам снова улыбается
Приветливо, как встарь,
Привычный спутник вечера —
Московский наш фонарь.

Девчата, парни парами
Влюблёнными опять
Весенними бульварами
Отправились гулять.
  «Фонарики-сударики
  Горят себе, горят,
  Что видели, что слышали,
  О том и говорят».

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

В БЕРЛИНЕ ПЕРЕД КАПИТУЛЯЦИЕЙ

— Скажи, Курт, что осталось от нашей непобедимости?

— Одно, Карл: непобедимое желание сдаться!

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Гитлеровский радиокомментатор генерал Дитмар, как известно, сдался союзным войскам. Говорят, что, отправляясь в тюрьму, он на ходу крикнул жене:

— Не забудь приносить радиопередачи!

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ!..

Рис. М. Черемных

Первый вылет лётчика Евсеева после войны.

ОДНАЖДЫ...

САМОЕ КОРОТКОЕ ИНТЕРВЬЮ

Однажды к А. М. Горькому, проживавшему в Италии, на Капри, один из многочисленных интервьюеров обратился с вопросом:

— Синьор Горький, правда ли, что вы решили покинуть Италию? Что вас привело к такому решению?

— Интервьюеры, — сухо ответил Алексей Максимович.

«КРИТИЧЕСКОЕ» ПОЛОЖЕНИЕ

Однажды известный композитор и музыкальный критик Цезарь Кюи усиленно аплодировал на концерте безголосой певице.

— За что вы ей аплодируете? — спросил критика удивлённый сосед. — Ведь её совсем не слышно.

— Вот за это именно я ей и аплодирую!

ЗВЁЗДЫ... У ТЕЛЕСКОПА

Однажды Николай I в сопровождении блестящей свиты посетил Пулковскую обсерваторию.

Никак не ожидавший высокого посещения, директор Струве растерялся и спрятался за громадный телескоп.

— Что же это он?— спросил государь, заметив замешательство астронома.

Адъютант Меньшиков, указывая на окружавших царя звёздоносцев, заметил с улыбкой:

— Астроном, повидимому, растерялся, увидав всю эту кучу звёзд не на своих местах.

НЕ ГОВОРЯ ХУДОГО СЛОВА

Однажды на собрании писателей, посвящённом вопросу «о плагиате в литературе», выступил известный автор рассказов из духовного быта Гусев-Оренбургский.

Говоря о методах раскрытия плагиата, Гусев-Оренбургский привёл резолюцию преподавателя элоквенции на экзаменационной работе одного из студентов: «Слово о загробной жизни»:

«Сие Слово списано слово в слово со Слова Иоанна Богослова».

ВЫСШИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЧИН

Однажды в уборную режиссёра и артиста Александринского театра Озаровского, вошла группа актёров, чтобы сообщить ему о награждении орденом Станислава II степени.

Приветствуя Озаровского, артист Ходотов закончил свою краткую речь четверостишием:

«Чтит тебя не без веских причин
Вся актёрская наша фаланга.
Но желаем нажить тебе чин...
Станиславского третьего ранга!»

ОТ ПЯТИ...

Однажды заведующий паспортным столом кронштадтской мещанской управы вывесил у своего стола «анонс»:

«Зав. паспортным столом принимает от пяти».

— В пять часов учреждение закрывается,— удивлялись сослуживцы,— непонятно!..

— Кому надо, тот поймёт, — тихо сказал заведующий, — жизнь вздорожала. Теперь меньше пятёрки принимать от посетителей не буду!

НЕ УЗНАЮТ!

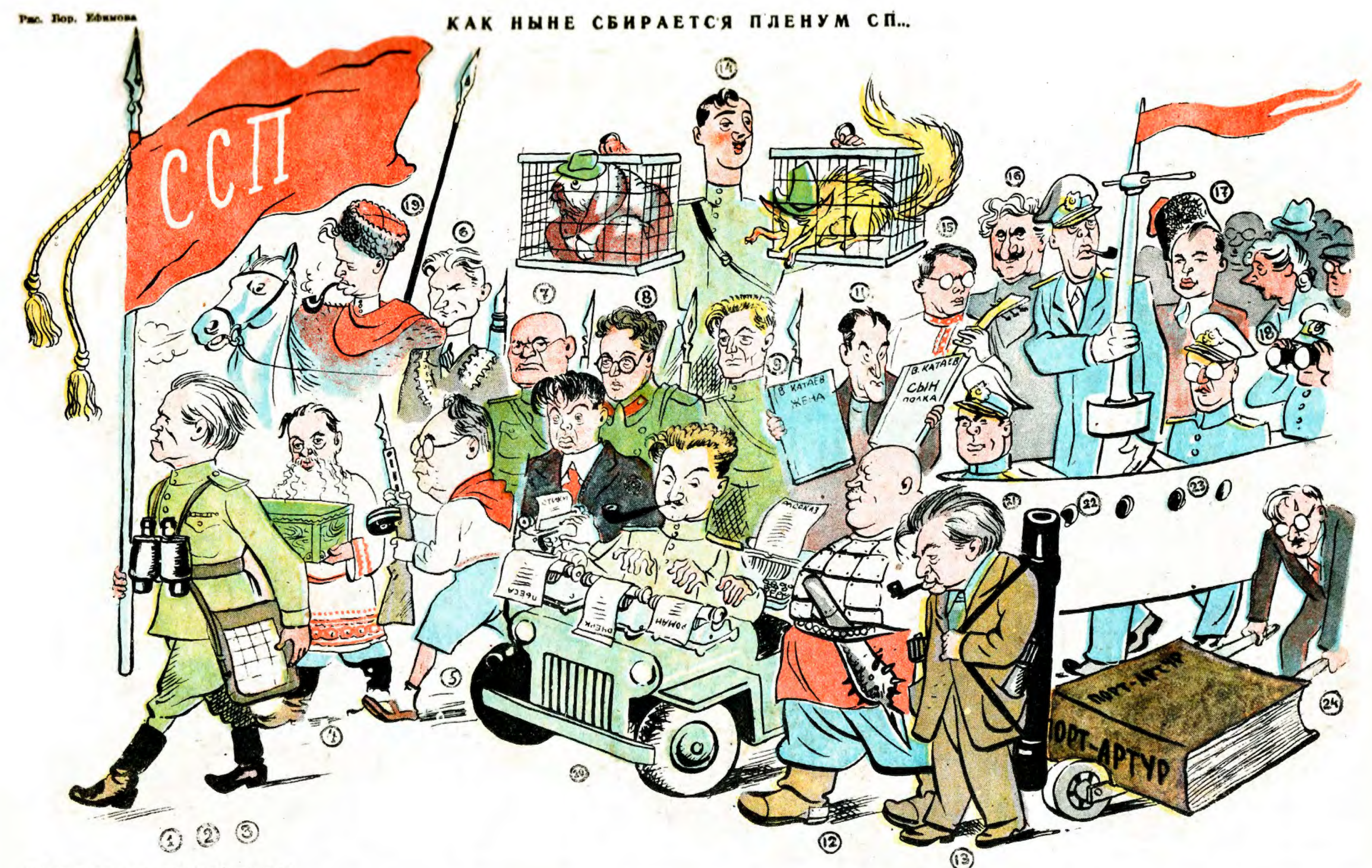
Однажды французский артист Гитри, пивший, «как сорок тысяч братьев пить не могут», спросил накануне традиционного артистического маскарада известного клоуна Шоколада:

— В каком виде ты советуешь появиться мне на нашем маскараде, чтобы меня никто не узнал?

— В трезвом, — ответил Шоколад.

Рис. Бор. Ефимова

КАК НЫНЕ СБИРАЕТСЯ ПЛЕНУМ СП...

НА РИСУНКЕ ИЗОБРАЖЕНЫ ПИСАТЕЛИ:

ВЕДУЩИЕ: 1. Поэт Николай Тихонов. 2. Прозаик Н. Тихонов. 3. Председатель ССП тов. Н. С. Тихонов. Все три ведут писателей на пленум ССП.

ИДУЩИЕ: 4. П. Бажов — уральский самоцвет. 5. Самуил Яковлевич — славный Маршак детской литературы. 6. А. Фадеев — старый партизан «Молодой Гвардии» и автор изречения: «Хорошо быть первым в ССП, но неплохо и последним из Удэге». 7, 8, 9. Б. Горбатов, В. Гроссман, А. Сурков — фронтовые товарищи. На фронте мирно уживались. На пленуме, вероятно, будут воевать. 10. Леонид Леонов — боевой литкомандир. Отличился при взятии Великошумска. 11. В. Катаев — наиболее семейственный из наших писателей. На пленум идёт с «Женою» и «Сыном». 12. Демьян Бедный — в битвах с потомками псов-рыцарей на славу поработал своей самопишущей палицей. 13. Илья Эренбург — меткий памфлетомёт. 14. С. Михалков — вопреки пословице «От добра бобра не ищут», принялся, убив бобра, за охоту на енотов. 15. М. Исаковский — «И кто его знает?» — Все его знают. 16. Ш. Дадиани — представитель солнечной Грузии на пленуме. Пленума ради терпеливо переносит московский холодный и дождливый май, сознавая, что погода зависит не от тех, кто делает погоду в литературе. 17. А. Корнейчук — командовал «Фронтом» на театре — Художественном, Малом и т. д. 18. Вера Инбер — писательница, отличающаяся особой широтой. Идёт на пленум со своим собственным меридианом.

ЕДУЩИЕ: 19. На коне — М. Шолохов. Казак на пленум держит путь... 20. На «виллисе» — К. Симонов. Работает, не покладая рук (пяти!).

ПЛЫВУЩИЕ: 21. Всеволод Вишневский. 22. Л. Соболев. 23. В. Лебедев-Кумач. Морские души! Скорбят о том, что пленум ССП будет открыт на суше. 24. А. С. Степанов со своим удачным первенцем — Артуром. Вес ребёнка — 8 фунтов (696 страниц).

ОТ РЕДАКЦИИ: Писателей, не изображённых на рисунке по недостатку места, редакция просит на это не сетовать. Крокодил нисколько не сомневается в том, что многие из не попавших на его страницы (от 8 до 12 страниц в номере), попадут на страницы истории Отечественной словесности (от 800 до 962 страниц в каждом из двенадцати томов).

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Приятно отметить, что начальник секретариата Управления Северо-Донецкой железной дороги Брусков активно включился в борьбу за экономию топлива. Чтобы не быть голословным, приведу один из героических эпизодов этой борьбы.

Командование моей части обратилось в Управление означенной дороги с просьбой помочь углем или дровами моей жене, сотруднице этого же учреждения. Если бы тов. Брусков справился в отделе кадров, он узнал бы, что моя жена работает с ним под одной крышей. Но тогда никакой борьбы за экономию не получилось бы.

Тов. Брусков избрал более сложный путь. Он запросил командование, где «настоящее место пребывания» моей жены. А так как участок фронта, где я нахожусь, отделён от Брускова расстоянием в несколько тысяч километров, то для получения ответа от командования потребуется ещё месяц—другой. К тому времени, естественно, будет лето и нужда в топливе отпадёт.

Б. КОЧЕРГА,
старшина

ПП 64096.

●

Дорогой Крокодил!

В мои намерения вовсе не входило причинять столько хлопот такому уважаемому учреждению, как Пензенский торг.

Честное слово, я без всякого злого умысла родила ребёнка.

И собственно, новорожденный должен нести всю ответственность за то, что он не согласовал с нашим торгом своё появление на свет.

Видите ли, ему полагается приданое. Младенец дерзко требует его. Четвёртый месяц он заставляет меня обивать пороги торга за пелёнками и распашонками, не считаясь ни с чем.

И сколько я ни твержу малютке, что дяди из торга очень заняты, что стыдно их беспокоить такими пустяками, он пищит и требует своё.

Простите его. Это всё от несознательности.

Е. ЛУКОМСКАЯ

Пенза.

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Рис. Г. Валька

— Мы уже давным-давно в Берлине, а они всё ещё «где-то в Москве»...

●

Дорогой Крокодил!

Красноуфимский пункт Заготзерна самовольно разгрузил, то есть присвоил себе, дрова, принадлежащие железной дороге. Представители дороги запротестовали, но Заготзерно продолжало разгружать, то есть присваивать себе, чужие дрова. Дело перешло к прокурору. Разобравшись в деталях, прокурор ответил:

«Проверкой установлено, что вагоны с дровами разгружались после того, как железная дорога предупредила дирекцию Заготзерна о разгрузке вагонов. А поэтому приписывать хищение нет основания.

Прокурор Красноуфимского района юрист 1-го класса Туркин».

А поэтому значит, если расхитители предупреждены, что расхищать нельзя, то ответственности они не подлежат.

Ясно и понятно. И ещё ясно и понятно, что юрист 1-го класса Туркин — далеко не первоклассный юрист.

В. ТОЛКАЧ,
инженер-капитан тяги

Ст. Красноуфимск,
Казанской железной дороги.

●

Уважаемый Крокодил!

Нахальные встречаются элементы в растительном мире! Чтобы не быть голословной, укажу хотя бы на сосновую рощу в городе Барнауле. Подвизающиеся в ней деревья насчитывают чуть ли не по три столетия. Триста лет занимали они площадь, и до последнего времени это проходило безнаказанно.

Как часто бывает, помог счастливый случай. Забыв по рассеянности обеспечить топливом городскую больницу, расположенную на территории вышеупомянутой рощи, Барнаульский горкомхоз вспомнил, наконец, об упрямых деревьях и с большим энтузиазмом приступил к их рубке.

Таким образом, справедливость восторжествовала. Вместе с тем доказано, что вовсе не обязательно вести дровозаготовки в отдалённых лесах, когда в самом городе имеются древесные насаждения. Самое же ценное заключается в том, что из-за деревьев, скапливающихся в рощах или скверах, не всегда легко разглядеть скромных новаторов лесного дела. А сейчас виден отчётливо каждый из них, начиная от достопочтенных руководителей горкомхоза и кончая главным врачом больницы Авдюничевым, принявшим активнейшее участие в разрешении топливной проблемы.

Е. МАСЛЕННИКОВА.

Барнаул.

БЕЗ НАМЕКОВ...

ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ!

Новые методы лечения, применяемые Белёвской поликлиникой (Тульская область), достойны самой широкой популяризации.

Уже в регистратуре вы убеждаетесь, что здесь лечат не так, как в других местах.

— Белая бумага есть? — встречает больного суровый голос из окошка.

— Нет, температура есть,—робко отвечает больной.

Выясняется, что бумага требуется для регистрации, без которой вас лечить не станут.

Наконец бумага найдена и вы направляетесь к врачу. Нужно поставить банки. Пожалуйста. Но предварительно вы должны совершить длительный моцион в поисках спичек или других зажигательных средств, что, несомненно, благотворно отражается на дыхательных путях и кровообращении ещё до банок.

Говорят, что поликлиника не намерена останавливаться на достигнутом. Идя дальше, она собирается рекомендовать больным при болезни, скажем, зубов, захватывать из дому щипцы или клещи, а в хирургических случаях иметь при себе набор ножей — перочинных, столовых, кухонных и консервных.

Такой принцип самодеятельности больных даёт необычайный эффект: процент посещаемости поликлиники резко снижается, так как больше одного раза в такое лечебное заведение вряд ли кто захочет пойти.

ЗАПОЛНЯЯ АНКЕТУ...

Рис. М. Черемных

— У вас есть родственники заграницей?
— Да, два сына в Берлине.

НАСЧЕТ ЗАТМЕНИЯ

С КАКОЙ целью научные работники консерватории могут наблюдать и изучать солнечное затмение?

Этот недоуменный вопрос задают читатели кропоткинской газеты «За коммуну».

К сожалению, газета ограничилась кратким сообщением о том, что «Пулковская к о н с е р в а т о р и я посылает научную экспедицию в район Сортавала для наблюдения полного солнечного затмения».

Кто входит в состав экспедиции: только ли контрабасы и виолончелисты или также представители вокала? Какие проблемы будут изучаться?

Жаль, что все эти вопросы остались без ответа. А то читатели не без ехидства замечают, что на редактора газеты нашло затмение, ежели он не сумел отличить консерваторию от обсерватории.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда".
Москва. Изд. № 341. Подп. к печати 19/V 1945 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.
А5651. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1013. Тираж 100.000 экз.

Рис. Кукрыниксы

ПРАЗДНИЧНАЯ УБОРКА

Художников советских полк
Проходит перед нами.
Они исполнили свой долг,
Держали крепко знамя.

Ни миномёт, ни П. П. Ш.
Частям их не присвоен.
Врагов концом карандаша
Разил художник-воин.

Стреляли в цель, из трёх стволов
Одновременно грянув,
Три Кукрыникса — Соколов,
Крылов и Куприянов.

Стрелял в противника на приз
И никогда не мимо
Известный партизан — Борис
Ефимович Ефимов.

В Адольфа Гитлера, в «Майн кампф»,
Как снайпер, меткой пулей
Стрелял не раз художник Ганф
(Не Цезарь он, но Юлий).

Палили с вышек боевых
В захватчиков-злодеев
Артиллеристы Черемных,
Бродаты, Елисеев.

Как штык, работало перо
Каневского и Клинча...
И вместе с мусором в ведро
Летят фашисты нынче.

Народ советский победил.
Сдают оружье фрицы.
И начал чистить Крокодил
От нечисти страницы.

Вот Гитлер выброшен, как сор,
В ведро к другим отбросам.
Мелькнул косой его вихор
И уголёк под носом.

Вот, налетев на штык стальной,
Свалился вверх ногами
Фон Геринг — окорок свиной,
Покрытый орденами.

Вот Геббельс — помесь паука,
Хорька и головастика:
Два глаза, точно два кружка,
И рот, кривой, как свастика.

Всё это сборище громил,
Все эти людоеды
Должны покинуть Крокодил
Под музыку Победы.

А наших снайперов война
Так славно закалила,
Что будет всем врагам страшна
Улыбка Крокодила!

С. МАРШАК